

Неомарксистский категориальный аппарат политических исследований: генезис и содержание

Важнейшей проблемой современного социально-политического знания является разработка категориального аппарата исследований политики. Категории, которые используются в современной политической науке, вырабатывались для осмыслиения политических реалий в основном западноевропейского развития. Этот понятийный аппарат и во многом отягощен идеологическим содержанием исторического прошлого. Вынужденное оперирование старым категориальным аппаратом и недостаток новых категорий осложняет научный поиск, затрудняет анализ современных процессов и явлений политической реальности. Поэтому в политологии требуется своего рода переход на новый категориальный уровень.

В этой связи возрастает интерес к познавательному потенциалу неомарксизма, который возник в результате теоретического переосмысливания марксистской проблематики. Это были те вопросы, на которые не смогли дать ответы приверженцы классического марксизма, поскольку, как отмечал Э. Балибар, капитализм «пошел дальше» тех условий, которые породили марксизм и марксистский анализ социальных отношений [1]. С точки зрения М. Харда и А. Негри, возникла необходимость «отойти от самой марковой теории настолько, насколько изменились объекты ее критики» и построить на основе марксистского метода «новый теоретический аппарат, адекватный нашей нынешней ситуации» [2]. Это выразилось, в том числе, и в разработке *неомарксистских категорий*, способных представить в теоретической форме неомарксистские политологические концепты.

Неомарксистское осмысливание политики зародилось в рамках философской проблематики диалектики объективного и субъективного. В результате внутренней экстраполяции гегельянства в марксизм, а также разработки марковой категории «класс для себя» Д. Лукач поставил вопрос о значении «классового сознания» в истории. *Классовое сознание* – категория, используемая Д. Лукачем для демонстрации значения субъективного фактора в классовой борьбе, которая приобретает идеологическую форму. Категория «классовое сознание» позволила теоретически закрепить вывод неомарксизма, что «общественная борьба проявляется в идеологической борьбе за сознание» [3].

Опираясь на работы Д. Лукача, теоретики неомарксизма обратили особое внимание на функционирование идеологии в общественной формации. При этом марксистская критика идеологии уже не могла адекватно решать современные познавательные задачи. Это было обусловлено тем, что в современном обществе акторы вполне отдают себе

отчет в дистанции между манипуляцией и социальной действительностью, осознают, что за идеологическими универсалиями скрываются классовые интересы, но, тем не менее, не отказываются от этих универсалий, транслируемых идеологическим аппаратом западных государств. Если пользоваться марксовым пониманием идеологии, относящим иллюзию сознания исключительно к сфере «представлений», то современное общество выглядит как деидеологизированное. С. Жижек по этому поводу отмечал, что надо сделать «решительный шаг» и «по-новому взглянуть на марксистскую формулировку «они не сознают этого, но они это делают». Идеологическая иллюзия «имеет своим местом не «знание» – она находится в самой действительности, в том, что люди делают». «Фундаментальный уровень идеологии – это не тот уровень, на котором действительное положение вещей предстает в иллюзорном виде, а уровень (бессознательного) фантазма, структурирующего саму социальную действительность». Таким образом, С. Жижек ввел категорию «*идеологический фантазм*», чтобы понятийно зафиксировать отнесение идеологической иллюзии не к сфере сознания (знания), а к «реальности самого действия» в рамках определенного социального порядка [4].

Обращение к человеческой субъективности было и основной темой политической философии А. Грамши. С точки зрения этого теоретика, государственная власть класса и его идеология не могут поддерживаться только насилием; необходимо и субъективное согласие масс. Классу, борющемуся за власть и имеющему в итоге решающую роль в экономической сфере, необходимо обеспечить процесс «перехода от чисто экономического... момента к моменту этико-политическому», обеспечить процесс «преобразования базиса в надстройку в сознании людей». Этот процесс А. Грамши теоретически оформляет в категорию ««катарсис»» [5]. Данная категория отражала процессуальные измерения становления гегемонии. *Гегемония* – это взаимоотношение социальных сил, когда одна из них доминирует на основе добровольной поддержки других социальных сил; это необходимость обеспечить субъективное согласие масс на доминирование государственной власти класса и его идеологии. Именно становление гегемонии приводит к формированию «исторического блока». *Исторический блок* – категория, введенная Ж. Э. Сорелем и используемая А. Грамши для обозначения взаимосвязи и единства диалектики истории в ее идеалистической и материальной составляющей. Категория «исторический блок» стала результатом неомарксистского принципа историзма (конвергенции марксистских понятий базис и надстройка) и была призвана исключить редукционистский подход экономического детерминизма к анализу сущности и функционирования общественной формации.

Категория «гегемония» имела большое эвристическое значение для становления неомарксистской политологической проблематики и подверглась широкой экстраполяции в рамках дальнейших исследований. Концептуально новым стало то, что если А. Грамши связывал гегемонию с деятельностью класса, борющегося за власть, то в рамках неомарксистской политической теории второй половины XX века, категория «гегемония» призвана была отразить суть функционирования уже устоявшегося господства капитала. Более того, современный капитализм начал характеризоваться как «тотальная гегемония». Эта детализация была вызвана необходимостью подчеркнуть, что в современном обществе капиталистическая гегемония «означает не только охват всей социальной жизни, всех «пластов» социума (от экономики до морали), но и не случайно совпадает терминологически с тоталитаризмом как понятием». Гегемония современного капитала – это «гегемония чего-то целого, тотального, объективного, от воли индивида не зависящего и господствующего над человеком и его общественной жизнью» [6].

В неомарксистских построениях концепта тотальности капитализма имело особое значение использование категории «воспроизводство». Неомарксистский акцент на воспроизводство капитализма как тотальной системы стал основополагающим для концептуальных разработок Ж. Бодрийара и Г. Маркузе. Категория «воспроизводство», детализируемая Г. Маркузе в категорию «власть принципа производительности» и Ж. Бодрийяром в категорию «воспроизводящий труд», призвана была обозначить «код господства» капитализма [7]. Суть современного капитализма – это гегемония, которая «сопровождается инстинктивным процессом воспроизводства людьми как объектами господства подавления самих себя» [8]. С нашей точки зрения, категория *воспроизводство* закрепляет неомарксистское положение, согласно которому совокупность индивидуальных практик акторов в их единстве по воспроизводству капиталистической формации есть неосознанная репрессивность, охватывающая все сферы жизни.

Развитие знаний об особенностях современного воспроизводства капиталистической системы повлияло на содержательное наполнение категории «эксплуатация». А. Негри и М. Хард пишут, что «эксплуатацию уже нельзя воспринимать в прежних терминах» (прибавочная стоимость), «эксплуатацию надо попытаться постичь как *эксплуатацию общего*» [9]. Категория «эксплуатация общего» призвана отобразить *классово-эксплуататорский* характер тотальной гегемонии капитализма над всеми сторонами социального бытия, в том числе и над сознанием акторов. Это понимание эксплуатации привело к тому, что в рамках неомарксизма аспектом политического анализа становится «производство субъективностей» [10]. *Производство*

субъективностей – категория, введенная М. Хардом и А. Негри для определения процессуального измерения биополитики в построении эксплуатации субъективного.

Гегемонистский характер современного капитализма, расширение роли субъективного в его функционировании изменили сущность политики как организующего фактора капиталистических отношений. Это нашло свое отражение в неомарксистских концептуальных построениях на основе категорий «биовласть», «биополитика», «реальное подчинение». *Биополитика* – категория, введенная Р. Кьелленом и используемая в рамках неомарксизма М. Хардом и А. Негри для обозначения новой, актуальной современному капитализму формы создания и организации процесса эксплуатации на основе производства субъективного. Биополитика направлена на становление капиталистического господства как реального подчинения. *Реальное подчинение* есть новая форма контроля и управления в современном капиталистическом порядке, полученная в результате перехода от формальной производственной дисциплины («формального подчинения») к биополитике [11]. Реальное подчинение как биополитическое воспроизведение капитализма меняет «картину» политической власти. На смену политической власти как легальному насилию приходит власть как неосознанная трудящимися, но управляемая эксплуататорами биовласть. *Биовласть* – категория, введенная П.-М. Фуко и используемая М. Хардом и А. Негри для теоретического оформления неомарксистского концепта власти как господства над процессом воспроизведения субъективного, что в свою очередь позволяет воспроизвести капитализм и на уровне объективных структур. Другими словами, биовласть есть возможность реализовывать биполитику.

Таким образом, если марксисты были склонны подчеркивать экономический и принудительный аспекты политического господства, то в рамках неомарксизма делается акцент на роли субъективного (гегемонистского, идеологического) фактора в удержании государственной власти. Неомарксистский поворот к анализу субъективного фактора политики и классового господства был широко разработан в политической теории Л. Альтюссера. Новым у Л. Альтюссера стало то, что был проделан структурный анализ классовой гегемонии. Л. Альтюссер ввел категорию «идеологические аппараты государства», которая разграничивала функционирование государства с применением насилия (репрессивный аппарат) и с применением идеологии. Смежной с категорией «идеологические аппараты государства» является категория «фабрики идеологии». *Фабрики идеологии* – неомарксистская категория Б. Оллмана, определяющая государство, масс-медиа, семью, церковь, школу, работу, спорт, развлечения, азартные игры как

структуры производства рыночной идеологии, направленной на мистификацию функционирования капитализма как бесклассовой системы.

Всепроникающий характер капиталистической гегемонии привел в рамках неомарксизма к концептуализации капитализма как универсальной системы. *Универсализм* – категория, введенная Э. Балибаром и И. Валлерстайном, призванная зафиксировать унифицирующий характер капитализма, направленный на легитимацию современного социально-политического и экономического порядка как объективной, «здравой» безальтернативности. Универсализм позволяет господствующему классу, с одной стороны, получить массовое согласие на господство, с другой стороны, нивелировать революционную угрозу посредством «двойного зажима». *Двойной зажим* (Э. Балибар) – это порядок, в котором «государственная социализация» ограничивает «индивидуальные или групповые практики», но не «исключает ни противостояния масс, ни революций какова бы не была их политическая форма», в силу того, что оформляет их в «цикл», в котором «сопротивление эксплуатации позволяет распространять ее» [12]. «Двойной зажим» может быть понят как состояние формации, в котором сопротивление капитализму структурно вписано в способ существования капитализма как фактор его функционирования.

В целом неомарксистские исследования политики характеризуется нивелированием познавательного интереса к анализу национальной публичной политики. Эта установка находит свое закрепление в категории «политический гиперреализм». *Политический гиперреализм (трансполитичность)* – категориальная инновация Ж. Бодрийара, призванная отобразить такое состояние политической системы современного капитализма как нейтрализация антагонизмов «левых» и «правых» политических идеологий и политических практик. Данная категория зафиксировала ритуализацию демократического избирательного процесса, симулятивность значения общественного мнения, а также двухпартийное чередование власти в рамках господства одного класса.

Нивелирование неомарксистского познавательного интереса к национальной публичной политике «компенсируется» широтой неомарксистских направлений исследования международной политики. Теория зависимости, теория «мир-системы», теория глобальной гегемонии (неограмшизм), концепция «Империи» в совокупности образуют основу неомарксистской теории международного порядка. Эти концепции возникали как научная реакция на различные по времени и содержанию политические события и процессы послевоенного периода международных отношений. В неомарксистской теории международного порядка находит свое место и критика

неолиберализма и глобализма. Каждое из этих направлений оперирует множеством категорий, однако только некоторые из них могут быть отнесены к неомарксистским.

Во-первых, в рамках неомарксистских исследований международного порядка имела место трансформация категории «класс». Это выражалось в «синонимизации» категории «пролетариат» с категорией «трудящиеся». Однако собственно новизна неомарксизма заключалась в появлении таких категорий как «новый класс» и «глобальный класс». *Новый класс* – неомарксистская категория М. Джиласа, отражающая сущность бюрократии (номенклатуры) в системе государственного капитализма. *Глобальный класс* – неомарксистская категория, которая отражает транснационализацию господствующего в рамках капитализма класса.

Во-вторых, в неомарксистских исследованиях международного порядка была предпринята попытка экстраполировать неомарксизм А. Грамши на новую политическую проблематику. Неограмшизм акцентировался на исследовании гегемонии в глобальном масштабе. Глобальная гегемония концептуализировалась как результат экспансии государственной гегемонии на мировой порядок, которая предполагает глобальное структурирование, объектом которого является «воспроизведение знаний и социальных отношений, нравов и учреждений» [13]. С точки зрения А. Бузгалина и А. Колганова, «через сложную систему каналов своей гегемонии глобальный капитал как целое стремиться к подчинению человечества как целого» [14]. Категория глобальная гегемония расширяет понимание глобального господства, не только как военно-политического доминирования.

В-третьих, в рамках теории зависимого развития были разработаны категории «дуальное общество», «идеологический терроризм», «неоколониальный план», «рост без развития», «центры-гегемоны капитализма». Этот категориальный аппарат позволил лучше охарактеризовать структурные особенности современного международного порядка. *Дуальное общество* – категория, введенная Дж. Х. Бойке и используемая Э. Балибаром для обозначения модели центра и периферии в рамках одного государства (новое порождение неизбежного классового конфликта). Дуальное общество – это полупериферия, как состояние общественно-государственной системы, в которой соединяются различные формы эксплуатации и которая необходима для бесконфликтного функционирования мирового капиталистического порядка.

Идеологический терроризм – категория, используемая Т. Сантусом как синоним неолиберализма и призванная продемонстрировать его имперский характер в условиях современного международного политического процесса.

Неоколониальный план – категория С. Амина, призванная отразить имперские процессы в современном международном порядке после глобального процесса деколонизации государств.

Рост без развития есть состояние экономической и социально-политической системы государств, вписанных в международный капиталистический порядок с определенными структурными функциями, а именно – воспроизведения периферийного капитализма.

Центры-гегемоны капитализма – государства, которые от центро-периферийного структурирования мирового порядка получают наибольшую выгоду и являются инициаторами зависимого развития других стран (Р. Пребиш).

Если неомарксистские исследования современного международного порядка были направлены на познание глобальной *динамики становления* транснационального капитализма, то в рамках исследований М. Харда и А. Негри анализируется глобальная *динамика воспроизведения* уже устоявшегося транснационального капитализма. Для этого используются такие категории как «Империя» и «дифференциальный расизм». *Империя* – это глобальная биополитическая конструкция организации наднационального способа управления транснациональным капиталом, представляющая собой трансформацию политической организации капитализма после кризиса империализма. Империя является сложным образованием в силу того, что не может быть сведена к деятельности какого-либо политического института, а в большей степени характеризуется единством логики функционирования множества национальных политических систем, транснациональных корпораций и международных организаций.

Дифференциальный расизм (неорасизм, «расизм без рас») – категория, введенная П.А. Тагиевфом и используемая Э. Балибаром для концептуализации новой формы расизма в эпоху деколонизации. Дифференциальный расизм порождает дискриминацию на основе идеологизации непреодолимости культурных различий, вне отсылки к биологической наследственности. М. Хард и А. Негри рассматривали дифференциальный расизм как неотъемлемый компонент биополитики в рамках Империи, основанный на pragматическом управлении социальными (культурными) различиями с целью организации трудовой иерархии.

Таким образом, можно сделать вывод, что в рамках неомарксизма был разработан самостоятельный категориальный аппарат исследования политики. Сохранение марксистской проблематики было органично дополнено экстраполяцией других направлений социально-философского знания (гегельянство, структурализм, постмодернизм). Это позволило, с одной стороны, сохранить критическую значимость

марксистского научного дискурса, с другой стороны, создать новый категориальный аппарат, актуальный современным политическим реалиям и современным политологическим задачам.

Библиографический список

1. Балибар Э., Валлерстайн И. Рasa, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М., 2003. С. 179;
2. Негри А., Хард М. Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2006. С. 179.
3. Лукач Г. История и классовое сознание. Исследование по марксистской диалектике. М., 2003. С. 157;
4. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., 1999. С. 40;
5. Грамши А. Тюремные тетради. М., 1991. С.65;
6. Бузгалин А., Колганов А. Критический марксизм – продолжение дискуссий. М., 2002. С. 72-73;
7. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. С. 64;
8. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. М., 2003. С. 100;
9. Негри А., Хард М. Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2006. С. 187.
10. Негри А., Хард М. Империя. М., 2004. С. 309;
11. Там же. С. 242;
12. Балибар Э., Валлерстайн И. Рasa, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М., 2003. С. 205;
13. Cox R.W. Production, the state and change in world order // Global changes and theoretical challenges: approaches to world politics for the 1990s. Toronto, 1989. Р. 39;
14. Бузгалин А., Колганов А. Противоречия глобальной гегемонии капитала (к вопросу о содержании и противоречиях так называемой «глобализации») // Альтерглобализм: теория и практика «антиглобалистского движения». Сборник статей. М., 2003. С. 18.